

DOI 10.22363/2618-8163-2023-21-1-33-48
EDN: ZCCNSS

Научная статья

Себе и вполне себе: семантика, прагматика, функции

С.Г. Воркачев

Кубанский государственный технологический университет,
Краснодар, Российская Федерация

 svork@mail.ru

Аннотация. Наблюдение за лексическими единицами, отражающими картину мира современного человека, всегда вызывало особый интерес у лингвистов, поскольку позволяло наглядно изучить модные слова и выражения как индикаторы языкового вкуса эпохи. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучать тенденции изменения употребления разговорных лексических единиц как маркеров, обозначающих особенности когнитивного и социального развития личности на современном этапе. Цель – охарактеризовать функции и прагмасемантические значения частицы *себя* и оборота *вполне себе* в современной русской лингвокультуре. В качестве материала взяты данные толковых словарей русского языка и примеры из Национального корпуса русского языка. Применены метод контекстуального и интерпретативного анализа, элементы количественного анализа и метод семантического анализа словарных дефиниций. Установлено, что достаточно часто свобода и независимость действий протагониста высказывания, передаваемые этой частицей, его автономность и суверенность получают отрицательную оценку субъекта речи: они рассматриваются как равнодушие, безразличие к окружающим, пренебрежение этическими нормами и нормами общежития и осуждаются, и эта оценка подчеркивается присутствием в высказывании частицы *себе*. Определено, что повышение уровня речевой активности частицы *себе* в современной речи связано с изменением модального типа российской личности. Семантическое ядро, в котором сфокусированы базовые смыслы оборота *вполне себе*, сосредоточено в лексеме *вполне*, а на долю частицы *себе* остаются смыслы прагмастилистические. Выявлено, что основным коммуникативным назначением выражения *вполне себе* представляются функции снятия с себя ответственности за достоверность содержания высказывания, выделения предмета речи и отождествления говорящего с элитной в его представлении социальной группой. Будучи модным выражением, оборот *вполне себе* в наши дни активно используется в Рунете, проникает в публичную речь, достигает апогея своей популярности и затем с высокой степенью вероятности уступит место новым индикаторам языковой моды.

Ключевые слова: местоимение, частица, автономность, хеджирование, коммуникативная функция, русский язык

История статьи: поступила в редакцию 12.10.2022; принята к печати 18.12.2022.

Для цитирования: Воркачев С.Г. Себе и вполне себе: семантика, прагматика, функции // Русистика. 2023. Т. 21. № 1. С. 33–48. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-1-33-48>

© Воркачев С.Г., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Введение

Частицы как особый прагмасемантический разряд лексико-грамматических единиц в восточноевропейских языках неоднократно привлекали к себе внимание исследователей (Бартошевич, 1978; Киселев, 1976; Колесникова, 2012; Лекант, 2001; Николаева, 1985; Стародумова, 2002; Котнорова, Баженова, 2020; Никунласси, 2019), и частица *себе* не составляет здесь исключения. Лексическая единица *себе* – двойственное языковое образование: это и падежная форма возвратного (рефлексивного) местоимения «себя», и частица – достаточно многозначное и полифункциональное слово, придающее высказыванию разнообразные семантические и прагматические оттенки, а также входящее в качестве модификатора в многочисленные фразеологизмы. Форма *себе* для русского языка отнюдь не новообразование: это исконно русское слово индоевропейского происхождения, стоящее в одном ряду с такими «темами», как **se-*, **so-*, **seue-*, **sue-*, **suo*¹ и присутствующее во всех славянских языках. В то же самое время наблюдения над современной устной русской речью свидетельствуют о повышении индекса частотности употребления этой лексемы в функции частицы, что, как представляется, требует какого-то объяснения.

В толковых словарях и грамматиках русского языка *себе* представлено в первую очередь как форма дательного падежа возвратного местоимения *себя*, передающего значение возвратности, то есть обращенности действия на самого производителя действия, заменяя по смыслу личные местоимения, однако, по мнению этимологов, фонетически первичной, исходной формой здесь является как раз форма дательного падежа *себе*². Словоизменительная парадигма местоимения *себя* дефектна: в ней отсутствует форма именительного падежа (Виноградов, 1947: 327) и она исчерпывается формами *себя*, *собой/собою* и *себе*. Как представляется, обладание подобным местоименным формантом рефлексивности – достояние славянских языков в целом, в том числе и русского языкового сознания, где рефлексивность соседствует, сочетается и даже синонимизируется с автономностью – возвратное местоимение регулярно появляется в паре с таким показателем автономности, как относительное местоимение *сам* (*сам себе хозяин/враг*, *сам по себе* и пр.), к возвратности отправляют такие лексические единицы с формантом *сам*, как *самосуд*, *самострел*, *самоцель*, *самоуправство*, устаревшая лексема *самотник*, как и лексема *себятник*, обозначает эгоиста, все интересы которого сосредоточены на себе самом³. Можно отметить, что формант *себя-*, как и формант *сам-* (Воркачев, 2012: 179), достаточно часто придает сложному слову отрицательно-оценочные коннотации: *себялюбие*, *самосуд*, *самоуправство*, *самоумнение*, *самострой* и пр.

Вполне очевидно, частица *себе* образована путем конверсии от одноименной формы местоимения. Как и единицы всех разрядов неизменяемых

¹ Преображенский А. Этимологический словарь русского языка : в 3 т. М. : Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1910–1914. Т. 2. С. 268.

² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М. : Астрель-АСТ, 2003. Т. 3. С. 588; Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. С. 268.

³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. СПб : Диамант, 1998. Т. 4. С. 169.

служебных слов, объединяемых в одну часть речи преимущественно функцией передачи того или иного отношения говорящего к содержанию высказывания, частица *себе* отмечена такими свойствами, как многозначность, отсутствие четких семантических границ, обусловленность значения контекстом, коммуникативность как связь с актуальным членением высказывания, способность вносить дополнительные оттенки значения в высказывание, имплицитность передаваемых смыслов, способность входить в фразеологизированные коммуникативные комплексы, непереводаемость на другие языки (Виноградов, 1947: 663; Николаева, 1985: 7–13; Стародумова, 2002: 72). Особо следует отметить умение правильно употреблять частицы в качестве свидетельства совершенства владения языком⁴.

Себе-частица в лексикографии идет отдельной словарной статьей, где отмечаются такие ее речевые свойства, как разговорный характер, приглагольное или приместоименное употребление, постпозитивность и безударность. В свободном, несвязанном речевом употреблении этой частицы отмечаются такие ее значения, как: акцент на свободе и независимости действия глагола сказуемого; акцент на получении удовольствия от действия глагола сказуемого, осуществляемого в интересах субъекта; усилительность, причем свобода, удовольствие и интерес здесь могут объединяться в одном словарном толковании. Выделяется также значение противопоставленности действия глагола сказуемого другому действию.

Семантика и функциональные свойства частицы *себе* уже были, конечно, предметом исследовательского интереса лингвистов: они описывались преимущественно на фоне речевого употребления других единиц языка: частицы *знай* (Fortuin, Israeli, 2012), суффикса *-ся* и местоимения *себя* (Klenin, 1975), частица *себе* рассматривалась также как показатель формирующейся в русском языке категории среднего залога (Сухов, 2015), описывались ее семантические и синтаксические свойства (Крейдлин, Фрид, 2001). Подробно описывались такие характеристики этой частицы, как связь с видовой формой глагола, его семантическим разрядом и актантами структуры предиката высказывания (Weiss, 2008), а также роль *себе* в составе фразеологизмов⁵. Однако рассмотрение данной частицы не только с точки зрения ее семантики и функционирования в речи, но и лингвопрагматики русского говорящего человека ранее не проводилось.

Цель исследования – охарактеризовать функции и прагма-семантические значения частицы *себя* и оборота *вполне себе* в современной русской лингвокультуре.

Методы и материалы

В работе использовались методы контекстуального и интерпретативного анализа и элементы количественного анализа.

⁴ Николаева Т.М. Частицы // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 580.

⁵ Северская О.И. Вполне себе модное слово... // Учительская газета. № 41. 2010, 12 октября. URL : <https://ug.ru/vpolne-sebe-modnoe-slovo/> (дата обращения : 24.08.2021).

В качестве материала исследования были взяты данные «Национального корпуса русского языка» (НКРЯ)⁶. Методом сплошной выборки было отобрано 257 текстовых фрагментов, включающих словосочетание «вполне себе» и 250 соответствующих текстов со словом «себе».

Результаты

Наблюдения над речевым употреблением частицы *себе* в функции свободного (нефразеологического) показателя в текстах основного «Национального корпуса русского языка» отражает определенный рост частоты ее появления. Достаточно часто свобода и независимость действий протагониста высказывания, передаваемые этой частицей, его автономность и суверенность получают отрицательную оценку субъекта речи: они рассматриваются как равнодушные, безразличие к окружающим, пренебрежение этическими нормами и нормами общежития и осуждаются, и эта оценка подчеркивается присутствием в высказывании частицы *себе*. Можно допустить, что повышение уровня речевой активности частицы *себе* в современной речи представляется связанным с изменением модального типа личности в российском обществе – постепенным вытеснением коллективистской личности личностью индивидуалистической.

В отдельную семантическую группу выделяются фразеологизмы, отталкивающие к серединной области аксиологической оценки – посредственности: словосочетаниями *так себе* и *ничего себе*, к которым за последние два десятилетия присоединились еще два функционально аналоговых образования: *вполне себе* и *весьма себе*. Добавление в смысловой ряд, образованный выражением *так себе*, передающим медиальную «нулевую» аксиологическую оценку «ни хорошо, ни плохо» («на троечку»), и выражением *ничего себе*, передающим оценку несколько выше посредственной, но недотягивающую до «четверки» – «сносно, довольно хорошо, неплохо» (на «три с плюсом»), выражения *вполне себе* («на четыре с плюсом») и совсем недавно возникшего выражения *весьма себе* («на пять с минусом») позволяет наметить своего рода «бемольную-диезную» оценочную шкалу.

Из этой четверки в современной (преимущественно разговорной) речи наибольшей популярностью пользуется выражение *вполне себе*, обладающее двуединым предназначением: идентифицировать субъекта с какой-либо референтной группой, «элитной» в его представлении, и одновременно отделять его от всех прочих, «неэлитных» социальных групп. Как и у любого фразеологизма-аналога частицы, у выражения *вполне себе* достаточно много функций, однако базовыми коммуникативными представляются две: это уклонение от ответственности, стремление снизить категоричность своего утверждения и функция выделения, подчеркивания значимости предмета речи, связанная опять же с индивидуализацией этого предмета. Семантическое ядро, в котором сфокусированы базовые смыслы оборота *вполне себе*, сосредоточено в лексеме *вполне*, а на долю частицы *себе* остаются смыслы прагмастилистические: ее употребление свидетельствует о стремлении субъек-

⁶ Национальный корпус русского языка. URL : <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения : 25.09.2022).

та речи снять с себя ответственность за достоверность высказываемого суждения, о желании говорящего выделить или подчеркнуть тот или иной элемент высказывания и указать на свою принадлежность к какой-либо престижной социальной группе, в которой оборот *вполне себе* используется в «парольной» функции. Последнее значение *себе* самым непосредственным образом связано с языковой модой.

Обсуждение

Частица себе

Наблюдения над речевым употреблением частицы *себе* в функции свободного (нефразеологического) показателя в текстах основного НКРЯ при всей методологической небезупречности подсчета (без учета стиливого регистра контекстов *себе* и в отсутствии количественно валидного объема примеров) в общем и целом указывают на рост частоты ее появления: если в текстах XIX века она появилась в 21 контексте, то в XX – в 40 контекстах, а только за первые 17 лет XXI века она встречается уже в 13 контекстах.

Контексты НКРЯ, естественно, фиксируют лексикографические значения этой частицы: свободу и независимость протекания действия глагола сказуемого (*Очень скоро оказалось, что Ольга обитает в шкафу не одна: в правом верхнем углу жил себе паучок, к которому у нее сразу возникло некоторым образом коммунальное отношение, то есть отношение одновременно товарищества и разлада – В. Пьецух; А вот что, – вымолвила опять Софья Ивановна, энергически махнув рукой, – по-моему, просто-напросто прикажите-ка скорей отвезти его на дорожку, да пусть идет себе умирать куда хочет! – Д. Григорович*), получение субъектом удовольствия от действия глагола сказуемого (*Жаль его разочаровывать-то! Какой хороший человек! Мечтает себе – и счастлив – А.Н. Островский; Да, гуляю себе, погода очень хороша нынче – А.Н. Островский*), соответствие действия глагола сказуемого интересам субъекта (*Мне, значит, ручонкой помашет, и летает себе – М. Сергеев; Он ему и дых по морозу зря не погонит, топает себе молча – А. Солженицын*), противопоставленность действия глагола сказуемого другому действию (*Тут бы его надо... а я стою себе, будто так оно и следует – Вс. Гаршин; Нет, он спокойно читал себе что-нибудь или перебирал четки с бусами, желтыми, как кошачьи глаза – Ф. Искандер*) и функцию интенсификатора (*Вот ваш пропуск! Идите и спите себе спокойно! Мой привет вашей супруге – Ю. Домбровский; Он все сверлит, сверлит, сверлит свой злосчастный череп. Смеются? А, пусть себе смеются! – Ю. Домбровский*).

Нужно заметить, что в большинстве случаев речевого употребления частицы *себе* эти значения реализуются синкретично, одновременно и разделить их достаточно сложно. Выделению, например, значения получения удовольствия от действия глагола сказуемого частицы *себе* может служить присутствие в ближайшем контексте соответствующих «гедонических» лексических показателей: *Сидит себе Бочкин на диванчике, любуется кружечками и вспоминает: в этом городе из-за плохой погоды времени потеряли уйму, в этом поклонницы прохода не давали, а в этом музей был потрясаю-*

ций (Вечерняя Москва, 2002.02.07); *Повеселела даже, глядит себе, улыбается. И так на нее в те поры хорошо смотреть было!* (В. Короленко).

Спектр смысловых оттенков, придаваемых высказыванию речевым употреблением частицы *себе*, безусловно, богаче их числа, зафиксированного лексикографически. Так, например, в контекстах «Национального корпуса» можно встретить иронию, подчеркиваемую частицей *себе*: *По Шахновскому выходит, что Иван-дурак сидел себе на печи, пока неведомо кто «воспламенял Сибирь», в советское время мозолистыми руками добыл 2 миллиарда тонн самотлорской нефти, по лежневкам, в три наката, пробивался с тяжелой техникой через болота под Сургутом, по комсомольской путевке от первого колышка выстроил в дикой тундре города, промыслы, аэропорты* (Завтра, 2003.08.22).

Достаточно часто свобода и независимость действий протагониста высказывания, его исключительно личная заинтересованность, его автономность и суверенность получают отрицательную оценку субъекта речи – наблюдателя (Fortuin, Israeli, 2012: 112; Klenin, 1975: 191) в силу несоответствия его вероятностным ожиданиям или моральным установкам: они рассматриваются как равнодушие, безразличие к окружающим, пренебрежение этическими нормами и нормами общежития (Воркачев, 1993: 88) и осуждаются, и эта оценка подчеркивается присутствием в высказывании частицы *себе*: *Вижу: дело-то, выходит, неподходящее, плохое... Иванов пьян – храпит себе, горюшка мало... Что тут делать, тем более я в первый раз* (В. Короленко); *Но человека с молоточком нет, счастливый живет себе, и мелкие житейские заботы волнуют его слегка, как ветер осину* (А. Чехов); Можно допустить, что повышение уровня речевой активности частицы *себе* в современной речи как раз связано в том числе и с изменением модального типа личности в российском обществе – постепенным вытеснением коллективистской личности личностью индивидуалистической, «самотной» и самодостаточной. Впрочем, безразличие субъекта, если оно не касается этических норм, может просто констатироваться: *Я тебя не трогаю, лежи себе на здоровье* (Б. Житков); *«А тот спокойно себе шагал серединой улицы»* (В. Быков).

Наблюдения над местом частицы *себе* по отношению к глаголу сказуемого не подтверждают ее обязательную постпозитивность, отмеченную в лексикографии, – она может находиться и в препозиции (Колесникова, 2012: 73; Fortuin, Israeli, 2012: 112): *Тут не решен вопрос о вечности, а он себе уплетает чурчхели* (Ф. Искандер); *Плевать им на тебя, что ты умер. Будут себе жить, да и все* (А. Аверченко).

Здесь можно увидеть также, что частица *себе* нередко дублирует смысловые оттенки высказывания, передаваемые редупликацией глагола сказуемого, подчеркивая продолжительность и повторяемость передаваемого им действия (Weiss, 2008: 335): *А жизнь, трудная, тяжкая, все же куда-то – наверно-таки вперед – катилась и катилась себе* (В. Астафьев); *Жрет себе, жрет, мелко жует, сама не глотает, другим отдает* (А. Солженицын). Можно также отметить, что речевое употребление частицы *себе* преимущественно связано с имперфективностью глагола сказуемого – его несовершенным видом (Fortuin, Israeli, 2012: 126).

Основные словарные значения *себе*, о которых уже шла речь, – свобода действия глагола сказуемого, получение удовольствия от этого действия и заинтересованность субъекта в его осуществлении – предполагают не просто одушевленность субъекта действия, но и обладание им сознанием и способностью к целеполаганию. Однако частица *себе* совсем нередко появляется в высказываниях с подлежащим, выраженным именем неодушевленного субъекта: *Да зачем ему хвост подвязывать, не пойму? Пусть себе болтается, как хочет...* (С. Сергеев-Ценский); *Ни горя, ни радости. Течет себе река и течет. И все по порядку. Родничок, верхнее течение, нижнее течение – и конец: влилась в море и канула* (Ю. Домбровский). Достаточно трудно, конечно, вообразить себе, реку и другие неодушевленные предметы, которые ставили бы перед собою цели и без помех стремились к их достижению, обладали бы интересом и получали удовольствие. Речь здесь, очевидно, идет о метафорическом переосмыслении субъекта действия глагола – его персонификации (Weiss, 2008: 332; Fortuin, Israeli, 2012: 130). И еще здесь можно усмотреть указание на то, что действие глагола происходит отделенно от ситуации, никак на нее не влияя – despite the outside world (Fortuin, Israeli, 2012: 130).

И, последнее. *Себе* – частица приглагольная, с местоимениями она не употребляется вовсе, но может появляться в именных конструкциях с редупликацией, где она указывает на обыденность (ordinariness) и незначительность в глазах говорящего предмета, обозначаемого этим именем (Fortuin, Israeli, 2012: 116): *Стол себе и стол; Стул себе и стул.*

Выражение вполне себе

Как и большинство частиц, *себе* активно участвует в образовании фразеологизмов различной степени связанности и различной и семантики: *вещь в себе, не в себе, не по себе, сам по себе, сам себе хозяин, себе на уме, знай себе, ничего себе* и пр. В отдельную семантическую группу здесь выделяются фразеологизмы, отправляющие к серединной области аксиологической оценки «серой полосе» – посредственности: словосочетания *так себе* и *ничего «себе»*, связанные с предварительными оценочными ожиданиями говорящего (Воркачев, 1992: 1–2). За последние два десятилетия к ним присоединились еще два функционально аналоговых образования: *вполне себе* и *весьма себе*, первое из которых отсутствует в словаре-справочнике новых слов и значений 90-х годов, но уже фиксируется «Национальным корпусом русского языка» с 1997 года (*Это было жестокое – вполне себе праздничное действие* – А. Балдин; *Я говорил, что и вообще издание газеты – вполне себе занятие аморальное, род предательства и ренегатства, как раз для болгаринных* – Н. Климонтович), а второе – встречается преимущественно на сайтах Рунета и в чатах социальных сетей (*У него весьма себе маленький череп; Весьма себе знаменитый двухярусный мост; Весьма себе качественная подсказка*).

Как представляется, добавление в смысловой ряд, образованный выражением *так себе*, передающим медиальную «нулевую» «холическую» оценку «ни хорошо, ни плохо, «на троечку» и выражением *ничего себе*, передающим оценку несколько выше посредственной, но недотягивающую до «четверки» – «три с плюсом», достаточно укоренившегося в сегодняшней разговорной речи выражения *вполне себе* («на четыре с плюсом») и совсем

недавно возникшего выражения *весьма себе* («на пять с минусом») позволяет наметить своего рода «бемольно-диезную» шкалу аксиологической оценки.

Из этой четверки в современной (преимущественно разговорной) речи наибольшей популярностью пользуется выражение *вполне себе*, зафиксированное в текстах основного «Национального корпуса русского языка» 147 раз, а в текстах газетного – 573 раза.

Безусловно, *вполне себе* пока еще «модное слово»⁷ – «такое сейчас носят», и у него, как у любого модного аксессуара, двуединое предназначение: идентифицировать субъекта с какой-либо референтной группой, «элитной» в его представлении, и одновременно отделять его от всех прочих, «неэлитных» социальных групп. Когда же эта функция сходит на нет в силу всеобщности распространения, модный объект становится старомодным. Выражение *вполне себе*, возникшее в конце 1990-х годов, к 2010 году достигло пика своего употребления в среде «креативного класса» и теперь постепенно выходит из речевого оборота⁸, однако «свято место пусто не бывает» и ему на смену непременно придет что-нибудь другое с такими же функциями.

Термин «ограничитель/загородка» (*hedge*), заимствованный наукой о языке из логики и сначала использованный в прагмалингвистических исследованиях Дж. Лакоффом для обозначения лексических единиц, предназначенных для создания разной степени нечеткости, неясности (*uzziness*) истинностного значения высказывания (Lakoff, 1972: 195), в дальнейшем был расширен, уточнен и конкретизирован – хедж-маркеры были разделены на два основных функциональных разряда: 1) аппроксиматоры (*approximators*), ориентированные на истинностное значение высказывания, и 2) «заслонки» (*shields*), предназначенные для «страховки» субъекта речи в случае несоответствия содержания высказывания действительности – его коммуникативной ответственности (*speaker-commitment*) (Prince et al., 1982: 85). Хеджирование – категория прагматическая и может быть выражена практически любой языковой единицей: вводными синтагмами, модусными и модальными глаголами, модальными словами и наречиями, модальными именами и пр. (Fraser, 2010: 22), однако в речи, пожалуй, наиболее частотным хедж-маркером выступают различного рода «дискурсные слова» – частицы и их функциональные аналоги, к числу которых относят и выражение *вполне себе*.

У этого фразеологизма-аналога частицы достаточно много функций, однако с точки зрения коммуникативистики базовыми представляются две. Одна – это уклонение от ответственности, стремление снизить категоричность своего утверждения и нежелание отвечать за свои слова, что сближает *вполне себе* со столь распространенным совсем недавно выражением *как бы*. Речевая стратегия «загородок» (*hedges*), за которые сегодня говорящие стремятся спрятаться от ответственности за свои слова, – еще одно свойство разговорного языка современного российского *homo loquens*⁹, в значительной мере определившее популярность речения *вполне себе*. Другая – это

⁷ Северская О.И. Вполне себе модное слово...

⁸ Там же.

⁹ Вполне себе загородка. URL : <https://www.svoboda.org/a/24274785.html> (дата обращения : 24.08.2021).

функция выделения, подчеркивания значимости предмета речи, аналогичная столь еще недавно популярному жаргонному употреблению местоимения *такой* (*А мы, такие, ...; А я, такая, ...*), связанная опять же с индивидуализацией этого предмета¹⁰. Как представляется, речевое употребление *вполне себе* ко всему прочему еще осложняется импликацией существования мнения о предмете речи, отличного от мнения говорящего: фраза *Х вполне себе красивый* предполагает, что кто-то думает не так.

Если иметь в виду смысловую нагрузку выражения *вполне себе*, то она минимальна и говорит больше о носителе речи, чем о ее предмете, в высказывании оно чаще всего факультативно и по большому счету без него *можно было бы и обойтись*¹¹. Его речевые значения достаточно размыты, реализуются синкретично и даже в контексте допускают множественность толкований.

Что касается синтаксической позиции *вполне себе*, то она практически свободная: это выражение, прежде всего, конечно, примыкает к имени прилагательному (480 появлений – где-то 60 % от всех контекстов употребления), может она сегодня примыкать к имени существительному, к наречию, к глаголу и причастию, может употребляться эллиптически – с опущением своего определяемого.

Вполне себе может стоять в одном синтагматическом ряду с прилагательными всех семантических разрядов: качественными, относительными и даже притяжательными: *Борис Наумович вполне себе видный, красивый, высокий и вальяжный господин, с изрядным брюшком, в народе называемом начальственным* (С. Шуляк); *Мы чуть сбавили ход и приняли вроде как разбитной видок; ноги ж, однако, у нас были вполне себе деревянными* (З. Прилепин); *Именно она отвела две деревни Воронежской области от вполне себе Левиафановского исхода* (Новая газета, 2015.09.09); *В разделе «Библиография» почему-то находится единственный текст под названием «Возможности», тоже вполне себе сорокинский* (Известия, 2002.01.22).

Особенно популярно использование «вполне себе» в паре с именами, обозначающими национальность/гражданство и место: *«Респектабельный мистер Бессеберг – без галстука его вообще сложно представить – надел пуховик и вполне себе русскую шапку-ушанку* (Советский спорт, 2010.12.03); *Пляжи в Крыму стали вполне себе турецкие* (М. Трауб); *На автодорогах наблюдались вполне себе московские пробки* (Московский комсомолец, 2016.11.23).

В паре с оценочными именами прилагательными *вполне себе* отправляет к степени соответствия во мнении говорящего предмета оценки нормам той или иной оценочной шкалы (Аругюнова, 1999: 198–199): общеаксиологической, эстетической, этической, утилитарной, гедонической, количественной пр.: *А зная, как Мадонна может сама получить удовольствие, я думаю, что она может быть вполне себе хорошим гостем* (Комсомольская правда, 2012.10.11); *Кстати, если сложить годовые зарплаты всех находящихся на поле игроков, то можно набрать бюджет для вполне себе неплохой команды уровня РФПЛ* (lenta.ru, 2014.09.13); *Ему-то уже казалось, что*

¹⁰ Северская О.И. Вполне себе модное слово...

¹¹ Там же.

Лиза не похожа на бабу и вполне себе красивая (А. Иванов); *Одним из них вечером вторника стал вполне себе приличный на вид человек, одетый в рубашку и брюки* (lenta.ru, 2016.08.03); *И Джаилсон, отправивший жену к матери, вполне себе доволен* (Известия, 2014.06.20); *Поймал Тороцин вполне себе крупную рыбку, полкило весом* (Комсомольская правда, 2006.04.01); *Также мы развиваем такое направление, как доставка готовых фуршетных блюд, предлагая своим клиентам разнообразный спектр кулинарного изыска за вполне себе небольшие деньги* (lenta.ru, 2017.09.13).

В общеоценочных синтагмах в паре с *вовне себе* достаточно часто является словечко *ничего*: *Ну что же, мордочка вполне себе ничего, на мой взгляд, потеря глаза ничего существенно не меняла* (Ю. Андреева); *И домашний отдых, у телевизора, – вполне себе ничего* (Советский спорт, 2010.07.01).

В паре с прилагательными всех иных семантических разрядов *вовне себе* отправляет к степени соответствия свойств определяемых ими предметов нормам квалификации как соответствия этих предметов своему имени и своей сути, что адекватнее всего резюмируется прилагательным подлинности *настоящий*: *И вот Госнарконтрль, вполне себе настоящий, взял и включил в этот реестр страницы сайта об онлайн-игре EVE, на которых имелись рекомендации по «употреблению наркотиков»* (И. Давыдов); *Бюллетень вполне себе настоящий, а кандидаты потрясающе* (Комсомольская правда, 2012.02.25).

Значительно реже (101 появление – почти 13 % от всех контекстов употребления) *вовне себе* стоит в одном синтагматическом ряду с именем существительным. Никаких особых семантических ограничений на подобное употребление *вовне себе* не накладывается: это имя может быть нарицательным и собственным (*Но вполне себе волк в том смысле, что кусает* – В. Пелевин; *Но у майора была вполне себе конечность* – А. Пермяков; *Машков в роли Мазура – вполне себе Брюс Уиллис* – Комсомольская правда, 2006.03.24; *Альфи – тоже вполне себе Казанова, не правда ли?* – Комсомольская правда, 2006.02.06), оценочно-нейтральным и содержащим оценочные коннотации (*Потому что кому насекомое, а лягушкам – вполне себе еда* – М. Трауб; *Вот скоро выйдет экранизация романа Анатолия Рыбакова «Тяжелый песок», там я играю вполне себе гадину* – Комсомольская правда, 2007.12.06; *На людях я держался, был вполне себе огурец* – С. Сэ). Как и в паре с именем прилагательным, в паре с существительным *вовне себе* достаточно часто относится к национальности: *Новицки и Редль, вставшие на ноги в профессиональных и студенческих командах США, – вполне себе американцы по игровой стилистике* (Известия», 2002.09.09); *Диана вполне себе француженка – и даже типичная* (lenta.ru, 2015.11.08). *Вовне себе* в одном синтагматическом ряду с именами существительными предает два основных типа значения: с оценочно-нейтральными именами, где это выражение появляется чаще всего, – степень соответствия имени предмета его квалификационным нормам, с оценочно-маркированными – степень соответствия нормам оценки.

Несколько реже (89 появлений – около 10 % от всех контекстов употребления) *вовне себе* идет рядом с глаголом, который может стоять практически в любой из своих форм: *Тогда спрашивать не надо – квартира-то*

вполне себе есть, и он в ней живет (А. Пермяков); *И эта взаимность вполне себе претендовала на диагноз*» (Т. Соломатина); *То есть в стычках поменьше – универсалы и дроиды вполне себе будут играть* (Форум: Звездные войны, 2011); *Но, на мой взгляд, Роман поспешил – вполне себе в премьер-лиге бы поиграл* (lenta.ru, 2017.05.31). Исключение здесь, очевидно, составляет глагол в повелительном наклонении: трудно представить себе такую фразу, как, например, **Вполне себе идите*. Не препятствует появлению *вполне себе* присутствие в высказывании модального глагола и ни возвратная форма самого глагола: *«Некоторые, конечно, покажут пальцем на вегетарианцев и резонно заметят, что они-то вполне себе могут обходиться и без мяса!»* (Комсомольская правда, 2006.10.13); *Но вот ведь какая закавыка: каждый без исключения русский человек может вполне себе превратиться в европейца* (Л. Бруни). Что касается базового смысла выражения *вполне себе* в паре с глаголом, то здесь оно отправляет к степени соответствия действия глагола своей сути и адекватности выбора для него имени.

Почти с такой же частотностью (84 появления – опять же около 10 % от всех контекстов употребления) *вполне себе* идет рядом с наречием или наречным оборотом, определяющими глагол, причастие и достаточно редко – прилагательное, и может принадлежать практически любому из своих семантических разрядов – быть обстоятельством, качественным, количественным: *Доктор Джекиль и мистер Хайд вполне себе давно уже материализованы в текущей действительности* (Известия, 2013.09.25); *Теперь Stereoleto наконец-то проходит не только в ночи, но и вполне себе днем* (РБК Дейли, 2012.06.21); *То есть, разумеется, не сам ультразвук, а трактующий ультразвуковое исследование врач. Такое вполне себе сплошь и рядом* (Т. Соломатина).

Причастие на глубинном семантическом уровне раскрывается как предикат, и, видимо, поэтому оно достаточно свободно определяется наречием: *Кстати, все, что я сейчас написала, вполне себе четко зафиксировано в приговоре суда* (Комсомольская правда, 2011.12.14); *Но в некоторых странах против извлечения ренты существует вполне себе успешно работающее противоядие, а в российском случае, по причинам прежде всего политическим, оно просто остается невостребованным* (lenta.ru, 2016.03.05).

Вполне себе довольно часто идет в паре с наречиями, называющими этнический признак: *Игроков основного состава перед матчем с Эстонией в Таллине, наш тренер предпочитал не ловить волну сочувственных взглядов, отвечая вполне себе по-русски – прорвемся!* (Советский спорт, 2007.07.10); *Странно, мэр новый, прогрессивный, а с деньгами обращается вполне себе по-русски – «дам – не дам»* (Комсомольская правда, 2013.07.10).

Достаточно редко, можно сказать в исключительных случаях, *вполне себе* сопровождает наречие, относящееся к имени прилагательному и лишь в ситуации двойной адъективации: *Если оставить в покое картографию, то все остальное – вполне себе коммерчески перспективные направления деятельности* (Известия, 2012.10.25); *Добавим сюда продажу телеправ и получим вполне себе коммерчески выгодную модель, которую давно пора превратить в жизнь* (lenta.ru, 2015.07.01).

И, наконец, еще реже (7 контекстов) *вполне себе* появляется в речи самостоятельно, без эксплицитно выраженного определяемого. Как представляется, в этом случае речь идет об эллипсисе – опущенное определяемое слово присутствует в контексте имплицитно и достаточно легко восстанавливается: *А если туда же пихнуть картошку, то вполне себе* (М. Трауб); *Долг Америки рос и рос. При этом американцы жили вполне себе* (Комсомольская правда, 2013.04.18).

В семантическом плане базовым смыслом выражения *вполне себе* в сочетании с обстоятельственными наречиями выступает указание на степень соответствия значения этих наречий нормам, стереотипам, представлениям об обстоятельствах и условиях, в которых совершается действие глагола. В то же самое время в сочетании с качественными наречиями, как и с качественными прилагательными, оно передает указание на степень соответствия действия глагола нормам оценки и квалификации, особенно часто *вполне себе* появляется в сочетании с наречиями общеаксиологической оценки: *Жилось в снятой квартире вполне себе неплохо, за исключением одного, но очень серьезного «но»*. (lenta.ru, 2016.10.10); *Частенько сборная страны на старте Игр долго запрягает, но потом вполне себе неплохо едет* (lenta.ru, 2016.08.05).

Совершенно справедливо установлено, что оборот *вполне себе* способен передавать в речи целый ряд значений, таких, как *в значительной степени, почти, соответствует названию, соответствует сути, так называемое, определено*¹², и также вполне справедливо утверждается, что *себе* в этом обороте можно иногда без особой потери смысла опустить. Из всего вышесказанного следует, однако, что семантическое ядро, в котором сфокусированы базовые, «предметные» смыслы этого оборота, сосредоточено в лексеме *вполне*, а на долю частицы *себе* остаются смыслы прагматилистические: ее употребление свидетельствует: 1) о стремлении субъекта речи снять с себя ответственность за достоверность высказываемого суждения; 2) о желании говорящего выделить или подчеркнуть тот или иной элемент высказывания; 3) указать на свою принадлежность к какой-либо «элитной» референтной группе, в которой оборот *вполне себе* используется в «парольной» функции.

Последнее значение *себе* самым непосредственным образом связано с языковой модой в полноте ее признаков: речевое употребление «модных слов» обусловлено социально и психологически, прагматически маркировано и отражает ментальность носителей языка (Журавлева, 2009).

Семантика этих слов достаточно неопределенна и относительно бедна, их употребление престижно и окрашено «привлекательностью актуальности и новизны» (Кронгауз, 2008: 45). «Модные слова» – элемент массовой культуры, частотность их речевого употребления выступает их «могильщиком»: со временем они становятся всеобщим достоянием и теряют свою престижность и «эксклюзивность». После относительно недолгого «инкубационного периода» в Рунете, который служит для них «питательным бульоном», «модные слова» проникают в публичную речь, достигают апогея своей популярности, а затем возвращаются к норме частотности.

¹² Северская О.И. *Вполне себе* модное слово...

Заключение

Проведенное исследование показало, что возрастание частотности речевого использования частицы *себе* в функции нефразеологического показателя отношения говорящего к содержанию высказывания свидетельствует о постепенном вытеснении коллективистской личности личностью индивидуалистической.

В то же самое время выявлено, что выражение *вполне себе* является индикатором снятия с себя ответственности за достоверность высказывания и желания говорящего акцентировать свою принадлежность к престижной социальной группе. У фразеологизма-аналога частицы *вполне себе* выделено довольно много функций, однако с точки зрения коммуникативистики определены базовые: стремление снизить категоричность своего утверждения и нежелание отвечать за свои слова, с одной стороны, и подчеркивание значимости предмета речи, демонстративное продвижение своего Я, с другой стороны.

Сопоставление этих двух лексических образований свидетельствует о том, что если *себе* функционирует почти исключительно как приглагольная частица, то оборот *вполне себе* способен появляться практически при любой части речи. Также, если речевое употребление частицы *себе* ориентировано на действие субъекта глагола высказывания, то оборот *вполне себе* отправляет к субъекту речи – говорящему.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1999. 896 с.
- Бартошевич А. Частицы и лексикографическая практика // *Slavia Orientalis*. 1978. Т. XXVII. № 3. С. 331–334.
- Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М. – Ленинград : Гос. учеб.-пед. изд-во, 1947. 783 с.
- Воркачев С.Г. Значения срединной области аксиологической оценки в языке // Научно-техническая информация. Серия 2 : Информационные процессы и системы. 1992. № 7. С. 1–3.
- Воркачев С.Г. Инициатива и послушание : к аксиологической вариативности лингвоконцепта // Политическая лингвистика. 2012. № 1 (39). С. 173–180.
- Воркачев С.Г. Речевые поступки и оценка моральных качеств личности : показатели безразличия в психологических отношениях // Филологические науки. 1993. № 3. С. 85–91.
- Журавлева Н.Г. Феномен «модного» слова. Ростов н/Д. : РГЭУ (РИНХ), 2009. 166 с.
- Киселев И.А. Частицы в современных восточнославянских языках. Минск : БГУ, 1976. 160 с.
- Колесникова С.М. Русские частицы : семантика, грамматика, функции. М. : Флинта-Наука, 2012. 112 с.
- Котюрова М.П., Баженова Е.А. Частицы-дискурсивы в аспекте критичности мышления журналиста // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 64. С. 63–75. <https://doi.org/10.17223/19986645/64/5>
- Крейдлини Г.Е., Фрид Н.Е. Вслух про «себе» (семантика и синтактика одной русской частицы) // Лингвистика на рубеже эпох : идеи и топосы. М. : РГГУ, 2001. С. 46–67.
- Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М. : Языки славянской культуры, 2008. 232 с.

- Лекант П.А. О грамматическом статусе частиц // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве : сб. науч. ст. к 80-летию К.В. Горшковой. М. : Изд-во МГУ, 2001. С. 391–393.
- Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). М. : Наука, 1985. 170 с.
- Никулласси А. Синтаксис фокусной частицы *только и* // Вопросы языкознания. 2019. № 2. С. 7–30. <https://doi.org/10.31857/S0373658X0004300-9>
- Стародумова Е.А. Частицы русского языка (разноаспектное описание). Владивосток : ДВФУ, 2002. 292 с.
- Сухов С.В. Об основной функции частицы «себе» в современном русском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 8–1 (50). С. 166–169.
- Fortuin E., Israeli A. Modal particles and aspectuality: *znaj* and *sebe* in Russian // Русский язык в научном освещении. 2012. № 2 (24). С. 107–131.
- Fraser B. Pragmatic competence : the case of hedging // *New approaches to hedging* / ed. by G. Kaltenböck, W. Mihatsch, S. Schneider. Bingley : Emerald, 2010. Pp. 15–34.
- Klenin E. The Pronoun *sebjа*, particle *sebe*, and affix *-sja* // *The Slavic and East European Journal*. 1975. Vol. 19. No. 2. Pp. 188–199. <https://doi.org/10.2307/306773>
- Lakoff G. Hedges : a study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts // *Journal of Philosophical Logic*. 1972. No. 2 (4). Pp. 458–508. <https://doi.org/10.1007/BF00262952>
- Prince E., Frader J., Bosk C. On hedging in physician-physician discourse // *Linguistics and the Professions: Proceedings of the Second Annual Delaware Symposium on Language Studies*. Norwood : Ablex, 1982. Pp. 83–97.
- Weiss D. Živi sebe normal'nenko! Zur Lexikalisierung von russ. *sebe* als Partikel // *Schweizerische Beiträge zum XIV. Internationalen Slavistenkongress in Ohrid, September 2008*. Bern – Frankfurt am Main, 2008. S. 327–344. <https://doi.org/10.5167/uzh-10495>

Сведения об авторе:

Воркачев Сергей Григорьевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Кубанский государственный технологический университет, Российская Федерация, 350072, Краснодар, ул. Московская, д. 2. Сфера научных интересов: лингвокультурология, лингвистическая семантика, теория дискурса, прагмалингвистика, лингвосомиотика. Автор более 600 научно-методических публикаций, в том числе 30 монографий. ORCID: 0000-0002-6290-2582. E-mail: svork@mail.ru

DOI 10.22363/2618-8163-2023-21-1-33-48

EDN: ZCCNSS

Research article

***Sebe* and *vpolne sebe*: semantics, pragmatics, functions**

Sergei G. Vorkachev

Kuban State Technological University, Krasnodar, Russian Federation

 svork@mail.ru

Abstract. Linguists are particularly interested in observing lexical units, reflecting the picture of the world of a modern person. It allows to visually study fashionable words and expressions as indicators of the linguistic taste of the era. The relevance of the research is due to the need to study the trends in using colloquial lexical units as markers of cognitive and

social development of personality at the present stage. The aim is to characterize the functions and pragmasemantic meanings of the particle *sebe* (to oneself) and the set expression *vpolne sebe* (quite) in modern Russian linguistic culture. The material was taken from the explanatory dictionaries of the Russian language and examples from the National Corpus of the Russian Language. The author used the methods of continuous sampling, contextual and interpretive analysis, elements of quantitative analysis, and semantic analysis of dictionary definitions. It was found that quite often the freedom and independence of actions of the statement protagonist, conveyed by this particle, his autonomy and sovereignty receive negative assessment of the subject of speech: they are considered as indifference to others, disregard for ethical norms and norms of social life and they are condemned, and this assessment is emphasized by the presence in the statement of the particle *sebe* (oneself). It was determined that the increase in the activity of the particle *sebe* (oneself) in modern speech is associated with changes in the modal type of the Russian personality. The semantic core, which focuses the basic meanings of the set expression *vpolne sebe* (quite), is concentrated in the lexeme *vpolne* (quite), while pragmatic meanings remain in the particle *sebe* (oneself). The author revealed that the main communicative purpose of the expression *vpolne sebe* (quite) is the function of taking off the responsibility for the statement's content, singling out the object of speech and identifying the speaker with the social group which is elite in his perception. Being a fashionable expression, the phrase is nowadays actively used in Runet, penetrates into public speech, reaches the peak of its popularity and then may give way to new indicators of linguistic fashion.

Keywords: pronoun, particle, autonomy, hedging, communicative function, Russian language

Article history: received 12.10.2022; accepted 18.12.2022.

For citation: Vorkachev, S.G. (2023). *Sebe* and *vpolne sebe*: Semantics, pragmatics, functions. *Russian Language Studies*, 21(1), 33–48. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-1-33-48>

References

- Arutyunova, N.D. (1999). *Language and the human world*. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury Publ. (In Russ.)
- Bartoshevich, A. (1978). Particles and lexicographic practice. *Slavia Orientalis*, XXVII(3), 331–334. (In Russ.)
- Fortuin, E., & Israeli, A. (2012). Modal particles and aspectuality: *Znaj* and *sebe* in Russian. *Russian Language and Linguistic Theory*, (2), 107–131.
- Fraser, B. (2010). Pragmatic competence: The case of hedging. In G. Kaltenböck, W. Mihatsch & S. Schneider (Eds.), *New Approaches to Hedging* (pp. 15–34). Bingley: Emerald Publ.
- Kiselev, I.A. (1976). *Particles in modern East Slavic languages*. Minsk: BSU Publ. (In Russ.)
- Klenin, E. (1975). The pronoun *sebjá*, particle *sebe*, and affix *-sja*. *The Slavic and East European Journal*, 19(2), 188–199. <https://doi.org/10.2307/306773>
- Kolesnikova, S.M. (2012). *Russian particles: Semantics, grammar, functions*. Moscow: Flinta-Nauka Publ. (In Russ.)
- Kotyurova, M.P., & Bazhenova, E.A. (2020). Discursive particles in the context of the journalist's critical thinking. *Tomsk State University Journal of Philology*, (64), 63–75. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/19986645/64/5>
- Kreidlin, G.E., & Frid, N.E. (2001). Aloud about “myself” (semantics and syntactics of one Russian particle). *Linguistics at the Turn of Eras: Ideas and Topoi* (pp. 46–67). Moscow: RSUH Publ. (In Russ.)
- Krongauz, M.A. (2008). *The Russian language is on the verge of a nervous breakdown*. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ. (In Russ.)

- Lakoff, G. (1972). Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts. *Journal of Philosophical Logic*, (2), 458–508. <https://doi.org/10.1007/BF00262952>
- Lekant, P.A. (2001). On the grammatical status of particles. *Language System and Its Development in Time and Space: collection of scientific works dedicated to the 80th anniversary of K.V. Gorshkova* (pp. 391–393). Moscow: Lomonosov Moscow State University. (In Russ.)
- Nikolaeva, T.M. (1985). *Functions of particles in the statement (based on the material of Slavic languages)*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Nikunlassi, A. (2019). Syntax of the focus particle *tol'ko i*. *Voprosy Jazykoznanija*, (2), 7–30. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S0373658X0004300-9>
- Prince, E., Frader, J., & Bosk, C. (1982). On hedging in physician-physician discourse. *Linguistics and the Professions: Proceedings of the Second Annual Delaware Symposium on Language Studies* (pp. 83–97). Norwood: Ablex Publ.
- Starodumova, E.A. (2002). *Particles of the Russian language (multi-aspect description)*. Vladivostok: FEFU Publ. (In Russ.)
- Sukhov, S.V. (2015). On the main function of the particle “itself” in the modern Russian language. *Philology. Theory & Practice*, (8–1), 166–169. (In Russ.)
- Vinogradov, V.V. (1947). *Russian language (grammatical doctrine of the word)*. Moscow; Leningrad: Gos. Ucheb.-Ped. Izd-Vo Publ. (In Russ.)
- Vorkachev, S.G. (1992). Meanings of the middle area of axiological assessment in language. *Automatic Documentation and Mathematical Linguistics*, (7), 1–3. (In Russ.)
- Vorkachev, S.G. (1993). Speech actions and assessment of the moral qualities of a person: Indicators of indifference in psychological relations. *Philological Sciences*, (3), 85–91. (In Russ.)
- Vorkachev, S.G. (2012). Initiative and obedience: To axiological variability of concept in language. *Political Linguistics*, (1), 173–180. (In Russ.)
- Weiss, D. (2008). Živi sebe normal'nenko! Zur Lexicalisierung von russ. sebe als Partikel. *Schweizerische Beiträge zum XIV. Internationalen Slavistenkongress in Ohrid, September 2008* (pp. 327–344). Bern, Frankfurt am Main, 2008. <https://doi.org/10.5167/uzh-10495>
- Zhuravleva, N.G. (2009). *The phenomenon of the “fashionable” word*. Rostov-on-Don: RSUE Publ. (In Russ.)

Bio note:

Sergey G. Vorkachev, Doctor of Philology, Professor, Professor at the Department of Foreign Languages, Kuban State Technological University, 2 Moskovskaya St, Krasnodar, 350072, Russian Federation. *Research interests*: anthropological linguistics, linguistic semantics, discourse theory, pragmalinguistics, linguo-semiotics. The author of more than 600 scientific and methodological publications, including 30 monographs. ORCID: 0000-0002-6290-2582. E-mail: svork@mail.ru